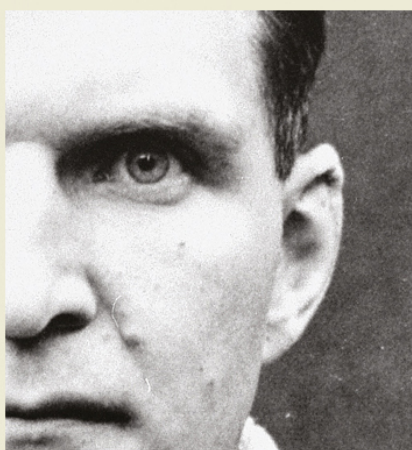
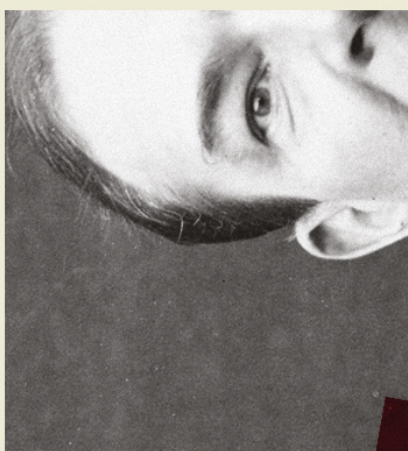

ВИВЬЕН ШПИЦ

стенографистка
на Нюрнбергском процессе
после Второй мировой войны

ВРАЧИ ИЗ АДА

**УЖАСАЮЩИЙ
РАССКАЗ ОБ
ЭКСПЕРИМЕНТАХ
НАЦИСТСКИХ
ВРАЧЕЙ НАД
ЛЮДЬМИ**

18+

Темные архивы. Книги о жутких
экспериментах и практиках над людьми

Вивьен Шпиц

**Врачи из ада. Ужасающий
рассказ об экспериментах
нацистских врачей над людьми**

«ЭКСМО»

1998

УДК 94(100)"1939/45":61
ББК 63.3(0)622+5Г

Шпиц В.

Врачи из ада. Ужасающий рассказ об экспериментах нацистских врачей над людьми / В. Шпиц — «Эксмо», 1998 — (Темные архивы. Книги о жутких экспериментах и практиках над людьми)

ISBN 978-5-04-184502-5

Перед вами леденящая кровь история человеческой жестокости, рассказанная судебной стенографисткой Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами. Это рассказ о 20 врачах и 3 их помощниках, пытающих и убивающих людей во имя научных медицинских экспериментов. В книгу включены стенограммы судебных заседаний, которые не были доступны широкой публике, и ранее неопубликованные фотографии преступников и их жертв. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"1939/45":61
ББК 63.3(0)622+5Г

ISBN 978-5-04-184502-5

© Шпиц В., 1998
© Эксмо, 1998

Содержание

Посвящение	6
Клятва Гиппократ	7
Без совести	8
Предисловие Эли Визеля	8
Предисловие Фредрика Р. Абрамса	13
Введение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вивьен Шпиц
Врачи из ада: ужасающий
рассказ об экспериментах
нацистских врачей над людьми

*Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
Пусть не волнуют грудь победы и утраты.
Когда покинешь мир – ведь будет все равно,
Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.*

«Рубаи», Омар Хайям¹

Vivien Spitz
Doctors from Hell
Copyright © by Vivien Spitz

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Зудова Е.В., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящение

Тот, кто спасает одну жизнь, спасает весь мир.
Талмуд

В любом геноциде есть виновные. Есть жертвы. Есть безмолвные наблюдатели. И есть спасители.

Эта книга посвящается двум спасителям: ныне покойному отцу Бруно Рейндерсу и доктору Мишелю Рейндерсу.

В 1939 году монах-бенедиктинец находился с миссией во Франкфурте (Германия). Услышав шум на улице, он поднял голову и с ужасом увидел, как прохожие мучают, насмеваются и всячески издеваются над стариком-евреем. Этим монахом был отец Бруно Рейндерс из Левена (Бельгия). Увиденное возмутило его так сильно, что к горлу подступила тошнота.

Когда нацисты оккупировали Бельгию и начали активное преследование и депортацию евреев, отец Бруно решил прийти на помощь невинным людям. Заручившись поддержкой своих друзей и близких, он смог спасти около 320 еврейских детей и группу взрослых. Одним из помощников монаха был его племянник Мишель, в ту пору еще совсем ребенок. Мишель выступал в роли курьера и, время от времени, сопровождающего.

На вопрос о том, почему он рисковал жизнью ради спасения еврейских детей, неизменно скромный и спокойный отец Бруно отвечал так: «Потому что им, человеческим существам, угрожала опасность. Спасение их жизней было нашим долгом».

Мишель Рейндерс ни на минуту не забывал о словах своего дяди и впоследствии стал врачом, руководствуясь все теми же принципами. Он ушел на пенсию в 1995 году, будучи клиническим профессором медицинского факультета Университета Колорадо, и вместе со своей супругой Колетт жил в Денвере, штат Колорадо, вплоть до своей смерти в 2005 году. У пары есть двое сыновей и четверо внуков.

Клятва Гиппократ

Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панахеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство:

Считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости.

Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство.

Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом.

В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной.

Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

Без совести

Предисловие Эли Визеля

Это одна из историй, внушающих людям страх.

Теперь нам все известно. В течение той части прошлого века, что я зову Ночью, в определенных местах нашей планеты медицину применяли не во благо, а со злым умыслом; не для того, чтобы победить смерть, а во имя служения смерти.

Ключевую роль в борьбе между Добром и Злом, развязанной во время Второй мировой войны, играли печально известные врачи-нацисты.

Они стали родоначальниками науки, посвященной упорядоченной жестокости, – науки, которую впоследствии нарекли Холокостом, – и шли в первых ее эшелонах, обгоняя всевозможных истязателей и беспощадных убийц. В Талмуде есть несколько обескураживающая сентенция: «Tov she-barofim le-gehinom», то есть «Лучшие из врачей попадут в ад». Что же касается врачей-нацистов, то они создали этот ад собственными руками.

Учения о евгенике и эвтаназии конца 1930-х и начала 1940-х годов были выдержаны в духе нацистской идеологии и претворялись в жизнь ее преданными сторонниками, хотя не несли ни малейшей общественной необходимости и не выдерживали никакого научного оправдания. Подобно смертельному яду, эти учения отравили разум всех мыслящих людей в Германии. Но все же пионерами нацистских преступлений стали именно врачи. Чем объяснить их предательство? Что заставило их забыть или предать забвению клятву Гиппократу? Что заглушило голос их совести? Что произошло с их человечностью?

Говоря начистоту, медики были не единственными, кто столь преданно следовал заветам Гитлера. Этим же грешили и представители юридических профессий. И даже в какой-то степени духовенство. И только литературному сообществу удалось сохранить честь и достоинство: большую часть крупных писателей выслали из страны. И это касалось не только евреев: так, Томас Манн и Бертольт Брехт не были евреями, однако в спертom воздухе Третьего Рейха им становилось нечем дышать. В то же время большинство врачей осталось в стране. И они евреями не были.

Теперь нам известны факты. И мотивы. Однажды Адольф Гитлер и министр здравоохранения, подчинявшийся непосредственно Генриху Гиммлеру, довели до сведения главных лиц медицинского сообщества секретное постановление о необходимости избавиться от «лишних ртов» – психически неадекватных, смертельно больных людей, а также детей и пожилых, которые природой своей были обречены на погибель, а Господом Богом – на страдания и вечный страх. Среди врачей нацистской Германии лишь единицы полагали, что отказ выполнять приказ заслуживает уважения и вообще может хоть чего-то стоить.

Вместо того чтобы делать свою работу – приносить помощь и успокоение больным – врачи превратились в палачей.

Вместо того чтобы помогать калекам и людям с ограниченными возможностями жить, принимать пищу и обретать надежду на продление жизни, – хотя бы на еще один день, на еще один час, – медицинские работники стали их карателями.

В октябре 1939 года, через несколько недель после начала военных действий, Гитлер издал первый приказ по программе «Gnadentod», то есть «Смерть из жалости». Пятнадцатого числа того же месяца нацисты впервые использовали газ для убийства «пациентов» в Познани (Польша). Однако в самой Германии похожие центры для убийств появились еще за три года

до этого. Так, психиатры и врачи прочих специальностей объединились, а духу товарищества и эффективности их совместной работы оставалось только позавидовать. Меньше чем за два года в газовых камерах лишили жизни 70 000 больных людей. Программа «Gnadentod» оказалась настолько успешной, что глава психиатрического отделения больницы вермахта, профессор А. Вюрт, начал беспокоиться: «Если мы устраним всех душевнобольных, кто захочет обучаться в столь активно развивающейся сфере психиатрии?» Программу приостановили лишь после того, как граф Клеменс Август фон Гален, епископ Мюнстера, набрался смелости и произнес с кафедры своего собора направленную против нее проповедь. Иными словами, протест был выражен не кем-то из медиков, а представителем духовенства. В конечном счете общественные настроения несколько изменились: слишком многих немецких семей коснулась эта программа.

Как и фанатичные теоретики нацистской идеологии, врачи-нацисты делали свою работы без малейших зазрений совести.

Они были убеждены, что, помогая Гитлеру реализовывать его расовую политику, вносят вклад в спасение человечества. Рудольф Рамм, именитый врач и главный специалист по медицинской «этике», безо всяких колебаний заявлял, что «только честный и высоконравственный человек может стать хорошим врачом».

Так, доктора, которые пытали, мучили и убивали мужчин и женщин в концентрационных лагерях, руководствуясь «медицинскими» соображениями, не испытывали никаких моральных неудобств. В лабораториях, которые возглавляли врачи, происходившие из лучших семей Германии и окончившие самые престижные университеты, подопытные кролики из рода человеческого – молодые и не очень, ослабшие и еще вполне здоровые пленники – подвергались невыразимым мучениям и пыткам. Как следствие, оставшееся в живых после войны население Германии отказывалось лечиться у каких бы то ни было немецких врачей. Люди боялись. Они помнили других врачей – или, возможно, все тех же.

Немецкие ученые в Равенсбрюке, Дахау, Бухенвальде и Освенциме проводили операции на своих жертвах без использования анестезии в попытке найти лекарства от плохо изученных болезней. Эти исследователи обрекали несчастных на гибель от голода, жажды, холода; они топили их, ампутировали конечности, душили и вскрывали тела, в которых еще теплилась жизнь, ради того, чтобы изучить особенности поведения или просто испытать представителя человеческого рода на прочность.

В результате Нюрнбергского процесса по делу врачей, который состоялся перед Международным военным трибуналом в 1946 году, двадцать три человека получили обвинение в развязывании, руководстве и подготовке преступной деятельности, направленной против узников концентрационных лагерей. Под их руководством действовал целый ряд уважаемых специалистов, вынужденных подчиняться их приказам. Как же они превратились в безжалостных убийц? Я лично встречался только с одним из них: Йозефом Менгеле, который был известен не как врач, а как самый настоящий преступник.

Как и множество других сосланных в лагерь, я увидел его в ночь моего прибытия в Биркенау. Первая мысль, которая пришла мне в голову при взгляде на него: он выглядел элегантно. Я помню его спокойный голос, когда он спрашивал меня о моей профессии и возрасте (предупрежденный другим узником, я прибавил себе пару лет). Перед глазами до сих пор встает его указующий перст – роковой взмах руки, которым он отделял тех, кто будет жить, от тех, кого ждала неминуемая смерть. Имя этого человека я узнал уже позже. О нем ходили леденящие душу слухи. Стоило ему появиться, как Смерть тотчас расправляла свои черные крылья. Все знали, что Менгеле постоянно высматривает близнецов и детей с проблемами позвоночника. В цыганском лагере Менгеле был особенно дружелюбен, внимателен и нежен по отношению к одному мальчику. Он одевал малыша в красивую одежду, давал ему лучшую еду. Это был

его любимый пленник. А в ночь ликвидации цыганского лагеря он лично отвел мальчика в газовую камеру.

Встречался ли я с другими врачами? В бараках Буны некоторые из них следили за разделением тех, кому дарили право на жизнь, и тех, кому было суждено умереть. Мне как-то уже приходилось описывать ту тишину, которая воцарялась перед этой процедурой: она наполняла все наше существо. Мы боялись взглянуть друг на друга. И, как это случалось в вечера Йом-Киппура², меня преследовало чувство, что мертвые смешались с живыми. Что же касается этих врачей, я не знал, кто они, и уже позабыл их лица.

На протяжении последующих лет, изучая различные архивные документы, посвященные «окончательному решению еврейского вопроса», я осознал, что главенствующая роль в нем была отдана медицине и науке. Эти сферы были неотъемлемой частью системы концентрационных лагерей, а их представители несли не меньшую вину за чудовищные преступления, совершенные на захваченных нацистами территориях Европы из ненависти к евреям и прочим якобы низшим расам и группам населения, чем всевозможные гитлеровские войска и полицейские подразделения. Но, несмотря на это, после поражения Германии в войне врачи-преступники за редкими исключениями спокойно отправились домой, готовые вернуться к своей работе и обычной жизни. Дома их никто не беспокоил, и им ничего не угрожало. Лишь после того как в Иерусалиме начался судебный процесс над Адольфом Эйхманом, немецкое правосудие вдруг вспомнило об их преступлениях. В телефонных книгах полиция легко нашла нужные адреса.

Но если Эйхман повергает нас в шок, то Менгеле вызывает истинное отвращение. Эйхман был довольно заурядным представителем низших слоев общества, не особенно воспитанным и образованным, в то время как Менгеле отучился в университете. Существование Эйхмана заставляет нас усомниться в природных склонностях и складе ума представителей немецкого народа. Одна лишь возможность существования Менгеле ставит под вопрос сами основы немецкого образования и культуры. Если первый олицетворяет Зло на уровне бюрократии, то второй воплощает собой Зло на уровне интеллектуальном. Эйхман отрицал, что является антисемитом, и заявлял о своей невиновности: якобы он всего лишь выполнял приказы. Но что насчет врачей-нацистов? Ни один из них не действовал из принуждения: ни те, кто возглавлял ночную церемонию разделения новоприбывших, ни те, кто убивал пленных в своих лабораториях. Эти врачи еще могли как-то улизнуть; они могли отказаться. И, тем не менее, до самого конца они считали себя государственными служащими, искренне преданными немецкой политике и немецкой науке.

Эти люди верили, что они – истинные патриоты, усердные исследователи.

С небольшой натяжкой, возможно, – даже общественные благодетели.

Мученики.

Неужели придется сделать вывод, что, если существуют социальные науки, посвященные человеку – «человечные», – то существует и наука бесчеловечная? Я уж не говорю об убежденных сторонниках расистских теорий, которые пытались выдать расизм за точную науку. Их глупость не заслуживает ничего, кроме презрения. Но ведь были и отличные медики, широко образованные химики и великолепные хирурги – все до единого расисты. Как они могли добиваться правды и счастья для человечества, если одновременно с этим они ненавидели какую-то его часть – и только потому что эти люди принадлежали к другим сообществам или социальным группам?

---

² (ивр. יוֹם כִּפּוּר, «День Искупления», «День Всепрощения») – в иудаизме самый важный из праздников – день поста, покаяния и отпущения грехов. Согласно Талмуду в этот день Бог выносит свой вердикт, оценивая деятельность человека за весь прошедший год. Традиционно в этот день верующие евреи соблюдают почти 25-часовое воздержание от приема пищи, проводя большую часть дня в усиленных молитвах и в обязательном порядке посещая синагогу. – *Прим. пер.*

Одно из самых жестоких потрясений, что я испытал уже в свои зрелые годы, ждало меня в тот день, когда я обнаружил, что множество офицеров айнзацгрупп – эскадронов смерти, действовавших на оккупированных нацистской Германией территориях Восточной Европы, – получили образование в лучших немецких университетах. Некоторым из них была присуждена степень доктора литературы, другим – доктора философии, теологии или истории. Они потратили годы на учебу, знакомились с опытом ушедших поколений, и все же ничто не смогло удержать их от убийств еврейских детей в Бабьем Яру, Минске, Понарах. Образование не стало для них щитом, не укрыло от искушения и соблазна к проявлению жестокости, которая, возможно, таится в каждом из нас. Но почему? Этот вопрос все еще не дает мне покоя.

Невозможно изучать историю развития медицины нацистской Германии в отрыве от немецкого образования в целом. На кого – или на что – нам возложить вину за появление убийц в белых халатах? Было ли тому виной антисемитское наследие, которое воскресили немецкие теологи и философы? Или все кроется в пагубных последствиях пропаганды?

Возможно, высшее образование делало слишком большой упор на абстрактные теории и слишком мало внимания уделяло человечности.

Я уже не помню, какой именно психиатр написал диссертацию о том, что эти убийцы вовсе не утратили нравственных ориентиров. Он показал, что они все-таки видели разницу между Добром и Злом. Чего им не хватало, так это ощущения границ реальности. На их взгляд, жертвы не принадлежали к роду человеческому; они были абстрактными, отвлеченными идеями. И врачи-нацисты могли, не мучаясь угрызениями совести, использовать их тела в своих целях, играть с их разумом и калечить их будущее; они издевались над ними тысячей всевозможных способов, прежде чем, в конце концов, лишить жизни.

И все же в бараках концентрационных лагерей, среди пленных, медики оставались представителями благородной профессии. В каждом лагере в той или иной степени врачи, лишённые инструментов и базовых лекарств, отчаянно пытались облегчить страдания и несчастья своих товарищей по заключению, порой ценой своего здоровья или даже собственной жизни. Я знал таких врачей. Для каждого из них любой человек представлял собой не абстрактное понятие, а целую вселенную со своими тайнами и сокровищами, с источниками страданий и жалкими шансами на победу – пусть и непродолжительную – над Смертью и ее адептами. Оказавшись в мире беспрецедентной жестокости, они смогли сохранить свою человечность.

Когда я думаю о нацистских врачах, этих палачах в халатах, я теряю надежду. Чтобы снова ее обрести, я вспоминаю других врачей, врачей-жертв; я снова вижу перед собой их горящие глаза и мертвенно-бледные лица.

Почему одни сумели принести славу человечеству, в то время как другие с ненавистью от человечества отrekliсь? Это вопрос выбора. Выбора, который даже сейчас принадлежит и нам, и несведущим солдатам, но больше всего – врачам.

Убийцы могли бы сделать другой выбор. Они могли бы принять решение не убивать.

Но эти ужасы медицинских извращений разворачивались и за пределами Освенцима. Их следы можно найти в сталинской и постсталинской эпохах. Врачи-коммунисты тоже предавали своих собратьев. Психиатры сотрудничали с тайной полицией и пытали пленных.

И разве можно оправдать недавние скандальные пытки, которым американские солдаты подвергли мусульманских пленных? Неужели условия содержания в иракских тюрьмах не заслуживают осуждения со стороны как юристов, так и военных врачей?

Неужели с моей стороны наивно полагать, что профессия врача должна оставаться благородной и держаться за самые высокие моральные ориентиры? Для сраженных болезнями врачи все еще олицетворяют жизнь. А для всех нас они все еще олицетворяют надежду.

Эли Визель

Апрель 2005 года

Этот текст представляет собой несколько измененное самим автором эссе из сборника «D’ou viens-tu?» (издательство «Сей» («Éditions du Seuil»), 2001 год). Он был переведен с французского языка на английский Джейми Муром, после чего опубликован в Медицинском журнале Новой Англии («The New England Journal of Medicine»). Журнал любезно дал свое согласие на включение эссе в эту книгу.

Предисловие Фредрика Р. Абрамса

Мне бы хотелось, чтобы я писал этот текст в качестве предисловия к книге, которая всего лишь напоминает читателям о некоем помрачении умов, случившемся в Германии когда-то давным-давно, больше полувека назад, *но во многих отношениях это было не просто помрачение. Мне бы хотелось* сказать вам, что ученые и врачи этой страны вступили на порочный путь из-за действий нескольких заблудших душ, *но их было не несколько*. Это было подавляющее большинство: разделяющие государственную идеологию ученые и врачи-оппортунисты. Профессиональным сообществом, которое могло похвастать самым большим процентом членов нацистской партии, были именно медики. Сортировку гражданского населения на годных к работе и подлежащих уничтожению одобряли не профессиональные отщепенцы из меньшинства; а их товарищи не осуждали коллег, проводивших зверские эксперименты.

Напротив, гонениям подвергались те врачи, которые продолжали придерживаться врачебной этики. Выступавших против порой ждала участь тех, кого они хотели защитить.

Мне бы хотелось написать, что после всех Нюрнбергских процессов урок усвоен, а международные законы и кодексы, которые принимались впоследствии, положили конец геноциду, пыткам и постановке экспериментов над подневольными живыми людьми, *но законы и кодексы продолжают нарушаться и сегодня*. Очень важно освежить в памяти историю в таком виде, в каком ее задокументировала Вивьен Шпиц. Мы не должны забывать, что, несмотря на налет цивилизации и внешние проявления культурности и интеллигентности, в каждой стране еще остались пагубные атавистические порывы и ни одна нация не является монополистом в сфере кровавых бесчинств.

Есть наука хорошая и есть наука плохая – во всяком случае, в смысле добросовестности и точности вынесения гипотез и проведения экспериментов. В фактах нет непреложных истин и догматов, и научно-обоснованный сбор информации идет на пользу обществу. Однако ни одна наука не может существовать отдельно от человеческого контекста. Когда это все-таки происходит, нас неизменно ждет трагедия. Союз науки и идеологии весьма коварен. Стоит в бочку фанатизма добавить щепотку научных изысканий – жди беды. Эта взрывная смесь привела к настоящей катастрофе в научной деятельности нацистов с их медицинскими экспериментами и евгеническими исследованиями. Вивьен Шпиц приводит доказательства к тем свидетельствам очевидцев, в которых сообщалось о зверствах профессиональных врачей, чье предательство выходит за рамки даже самых вопиющих злодеяний, поскольку они являются представителями профессии, посвященной служению людям. Уже высказывалось множество теорий по поводу того, как и почему все это произошло в стране, которая на тот момент считалась одной из самых развитых и цивилизованных в мире. Что послужило причиной столь чудовищных поступков?

Любому демагогу удобно найти козла отпущения или врага, против которого можно объединить весь народ и тем самым добиться, чтобы нападки на человеческие права остались незамеченными из-под пелены страха и невежества.

Демагогу очень удобно объявить группу людей другими и в связи с этим обращаться с ними как с низшими существами, людьми второго сорта, которые не годятся для того, чтобы их защищали законы цивилизованного общества. Пока вы читаете этот абзац, вам ведь наверняка приходят в голову евреи, цыгане и гомосексуалы гитлеровской Германии?

Но вспомните раннюю историю Соединенных Штатов. Вот несколько примеров, которые служат свидетельством существования безнравственных медицинских экспериментов задолго

до нацистского режима. На американском Юге в 1800-х годах доктор Томас Гамильтон из Джорджии поместил раба в земляную печь, чтобы изучить последствия теплового удара. Доктор Уолтер Джонс из Вирджинии вместе со своими коллегами обливал больных рабов кипятком, надеясь найти лекарство от брюшного тифа. Подумайте и о том, что доктор Дж. Марион Симс отрабатывал на рабынях штата Алабама операцию по лечению родовой травмы матери, которая в случае отсутствия лечения приводила к тому, что из-за поврежденного мочевого пузыря во влагалище попадала моча и все время сочилась у несчастной между ног. Родоначальник оперативной гинекологии доктор Эфраим Макдауэлл из штата Кентукки, прежде чем успешно удалить опухоль яичника у своей белой пациентки, сначала прооперировал четырех рабынь. Доктор Кроуфорд Лонг из Джорджии продемонстрировал действие анестезирующего средства, произведя ампутацию двух пальцев руки мальчика-раба: один палец он ампутировал с применением эфирного наркоза, а второй – без него. В 1856 году Медицинский журнал Вирджинии (*Medical Journal of Virginia*) предложил ввести серьезную меру наказания для хирурга после проведения расследования по обвинению одного из рабов, который сообщил, что его ногу ампутировали из-за какого-то жалкого нарыва лишь для того, «чтобы студенты могли понаблюдать за операцией». Вне зависимости от фактической необходимости хирургического вмешательства, хозяин раба мог разрешить или запретить проведение операции на его «имуществе». В том конкретном случае хозяин не сказал ни слова против, так что итог был понятен.³

А как насчет евгеники, фундаментальной предвестницы доктрины о чистоте нации, которая оправдывала насилие над «нежелательными элементами» общества? Результаты изысканий Менделя, заново открытые на пороге нового столетия, продвинули вперед идеи социального дарвинизма. Эволюция пристально изучалась во всех уголках земного шара, но за свидетельствами беспрецедентного воплощения евгенической теории *в жизнь* придется снова отправиться в Соединенные Штаты Америки. Институт рабства плохо сочетался с теологической теорией о том, что человек был создан по образу и подобию Божьему, особенно в нации, где царило убеждение, будто все люди сотворены равными. Прописную истину о низкосортности чернокожих и психически неполноценных людей объясняли различные теории вырождения, то есть деградации человека, благодаря которым с такими людьми обращались так, как никогда не стали бы обращаться с «нормальными» представителями человеческого рода. По мере активного развития евгенического движения в Соединенных Штатах времен XX века врожденные отклонения представляли в научных работах наследственными заболеваниями, наряду с врожденной бедностью, врожденной проституцией и врожденной склонностью к совершению преступлений. Начиная со штата Индиана в 1907 году, законодательные органы более половины штатов приняли законы, разрешавшие принудительную стерилизацию. Различий между стерилизацией и кастрацией не делалось.

Эпилепсия, слабоумие и умопомешательство стали поводами для стерилизации, целью которой было избавить будущие поколения американцев от этих недугов.

По мере того как общество поддавалось натиску этой квазинауки, судья Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс создал прочную юридическую базу для законов о стерилизации позорным решением по делу «Бак против Белла» в 1927 году. Кэрри Бак, восемнадцатилетняя дочь предположительно слабоумной женщины, родила ребенка. По некоторым данным, умственное

³ Мартин С. Перник, доктор философии, «Роль пациента в принятии врачебных решений: социальная история информированного согласия в медикаментозном лечении» (*The Patient's Role in Medical Decision Making: A Social History of Informed Consent in Medical Therapy*) в «Приложения, исследование принципов информированного согласия» (*Appendices, Study on the Foundations of Informed Consent*), том 3 сборника «Принятие решений в области здравоохранения» (*Making Health Care Decisions*) (Президентская комиссия по изучению этических проблем медицинских, биомедицинских и поведенческих исследований, октябрь 1982 г.)

развитие Кэрри соответствовало уровню девятилетнего ребенка, и утверждалось, что ее дитя также слабоумно (уже значительно позже, после закрытия дела, когда дочь Кэрри подросла, выяснилось, что она развивается вполне нормально). Законодательство Вирджинии разрешало принудительную стерилизацию, и руководство интерната, где жила Кэрри, предложило этим воспользоваться. Школьный учитель и самопровозглашенный эксперт Гарри Лафлин был плодовитым писателем и известным лектором в области евгеники. Его попросили дать оценку состояния Кэрри. Гарри Лафлин никогда не встречался с пациенткой, однако заявил, что она принадлежит к числу «бестолкового, невежественного и бесполезного класса антисоциальных белых», и шансы того, что ее слабоумие было вызвано не наследственными причинами, были «исключительно малы». Адвокат Кэрри в своей аналитической записке по делу, которая оказалась пророческой, заметил, что в случае соблюдения закона о стерилизации обществу может угрожать серьезная опасность. Он предостерегал: «Воцарится господство врачей, во имя науки будут созданы новые классы. И в мире установятся самые ужасные из возможных форм тирании».

Закон все-таки был соблюден: согласно часто цитируемому выражению судьи Холмса, «трех поколений имбецилов нам достаточно».

В 1932 году Гарри Лафлин написал: «Наши исследования демонстрируют, что эта *обязательная мера* твердо закрепилась в практике. Они также показывают, что объект стерилизации не обязательно должен содержаться в специальном учреждении, а *столь же правомерно может быть отобран из широкой общественности*. Пока еще не ясно, возможно ли расширить сферу влияния закона о стерилизации на *внешне* нормальных лиц, которые происходят из чрезвычайно неполноценных семей, опираясь на общее состояние здоровья и благополучие их ближайших родственников».

Столь зловещей кажется мысль о том, что какие-то органы могли отбирать членов общества и стерилизовать их, основываясь даже не на их собственных дефектах, а на «общем состоянии здоровья и благополучии» их родных! Вы спросите, кто стал бы заниматься таким отбором? В гитлеровской Германии ответ был бы таков: нужно возложить ответственность за это на врачей.

Стерилизация в Германии и на захваченных ей территориях регулировалась и осуществлялась государственными постановлениями, зато в Америке губернаторы налагали вето на одни государственные законы, а судебная система отменяла другие на основе конституции. С самого начала это движение встретило решительное сопротивление. Порой оно было обусловлено обнажением ужасной некорректности теорий, ратующих за необходимость стерилизации как метода евгенического контроля, порой – общим желанием отстоять права человека, а иногда – религиозными соображениями. Как бы то ни было, часть американских штатов продолжила проводить стерилизацию в евгенических целях даже после чудовищных открытий Нюрнбергских процессов⁴. По данным на 1995 год, закон в Миссисипи так и не был отменен, разрешая принудительную стерилизацию «социально неполноценных». Только в 2003 году была выплачена компенсация жертвам принудительной стерилизации в Северной Каролине. Но даже несмотря на это обвиняемым в преступной деятельности продолжают предлагать смягчение приговора в случае их согласия на стерилизацию.

Может сложиться впечатление, что в области *внедрения* евгенических идей в жизнь немцы остались далеко позади своих американских коллег. В 1924 году профессор Ф. Ленц упрекнул своих немецких коллег за то, что они сильно отстают от Америки в использовании генетических знаний на благо расовой гигиены. Отбывая наказание в Ландсбергской тюрьме в

---

⁴ Филипп Р. Рейли, «Хирургическое решение: история принудительной стерилизации в Соединенных Штатах Америки (The Surgical Solution: A History of Involuntary Sterilization in the United States) (Балтимор, штат Мэриленд: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1991 г.)

1923 году, Адольф Гитлер прочитал трактат «Принципы наследственности человека и расовой гигиены» за авторством Э. Баура, О. Фишера и Ф. Ленца и позже включил размышления о расе в свою книгу «Моя борьба» («Mein Kampf»)⁵. Немецкая евгеническая доктрина о «жизнях, недостойных жизни» («Lebensunwerten Lebens»), описанная в книге К. Биндинга, профессора юриспруденции, и профессора А. Э. Хохе, психиатра, так никогда и не была реализована в Америке. В Германии же программа этнической чистки, проводимая в условиях беспощадного политического режима, переросла из принудительной стерилизации в настоящие убийства (завуалированно именуемые *эвтаназией*). Позже, в 1943 году, когда массовые убийства приняли по-настоящему ужасающие масштабы, доктор Фишер писал: «Это редкая и совершенно особая удача для теоретической науки – расцвести пышным цветом в тот самый миг, когда ей благоволит господствующая идеология, а результаты исследований незамедлительно начинают служить на благо политическому курсу государства». После окончания войны он все еще был одним из наиболее влиятельных членов медицинского сообщества. Во вступлении к книге «Чистка отечества»⁶ Кристиан Просс приводит свидетельства поствоенного сговора медицинского сообщества по реабилитации многих соратников нацистского режима, отмечая тех немногих, кого с запозданием, но все-таки привлекли к ответственности. Большинство же из них, якобы из соображений о защите чести врачебных профессий в Германии, часто подвергали своих разоблачителей остракизму, после чего те теряли должности или возможность продвижения по службе.

Для многих научных архивов, переписанных после войны, характерно подозрительное отсутствие данных об истории медицины за период с 1933 по 1945 годы.

Нетрудно понять, почему основная расовая идеология нацистов в большой степени опиралась на американские идеи. Закон о стерилизации был принят в Германии в 1933 году (на двадцать шесть лет позже, чем в штате Индиана) после внимательного изучения калифорнийского закона. В 1936 году Лафлин, который писал статьи для немецких журналов, и его американские коллеги были удостоены почетного звания Гейдельбергского университета. Евгенические программы в Германии применяли на практике идеи, которые выдвигались, но так и не были осуществлены в США. Вся эта машина пришла в действие с назначением Гитлера канцлером, начав с закона о принудительной стерилизации для защиты генофонда от «врожденного слабоумия, шизофрении, маниакально-депрессивного психоза, наследственной эпилепсии и тяжелых форм алкоголизма». В 1937 году стерилизацию объявили обязательной для всех детей-представителей «цветного» населения Германии – после того, как доктора В. Абель, Г. Шаде и О. Фишер представили экспертные заключения, врачи подвергли стерилизации 300 детей. В 1939 году психиатры В. Хайде, Ф. Мауц, П. Ниче, Ф. Панзе, К. Полиш, О. Бумке, К. Шнайдер, В. Филлингер и К. Цукер вместе с тридцатью девятью коллегами изучили 250 000 пациентов с расстройствами психики, рассматривая серьезность их заболеваний, излечимость и различные генетические факторы. По результатам исследования 75 000 из общего числа пациентов были приговорены к смерти. Начальник регионального подразделения СС вскоре доложил о том, что под его контролем было расстреляно 4 400 душевнобольных поляков и 2 000 пациентов из учреждений в Пруссии. В 1940 году в качестве средства умерщвления был выбран угарный газ: согласно скрупулезно ведущимся немцами отчетам, были убиты 70 000 пациентов немецких медицинских учреждений с расстройствами психики, однако причина их смерти была сфальсифицирована. В 1941 году, когда Германия вторглась на террито-

---

⁵ В Российской Федерации материал признан экстремистским. – *Прим. ред.*

⁶ Гетц Али, Петер Хруст, Кристиан Просс, «Чистка отечества: нацистская медицина и расовая гигиена» (Cleansing the Fatherland: Nazi Medicine and Racial Hygiene), пер. с нем. Белинды Купер (Балтимор, штат Мэриленд: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1994 г.)

рию Советского Союза, айнзацгруппы – особые военизированные подразделения, выполнявшие ответственную миссию по убийству евреев, цыган и людей с расстройствами психики, – вошли на оккупированные территории вслед за армией.

В декабре 1941 года Гиммлер попросил врачей, которые занимались «эвтаназией», прочесать концентрационные лагеря в поиске тех пленных, кто был не в состоянии работать либо казался неудобным по какой-либо другой причине, после чего последовало массовое уничтожение людей смертоносным пестицидом «Циклон Б». В том же году профессор Фишер отозвался о евреях как о «представителях другого вида».

Подобное заявление со стороны авторитетного лица дегуманизирует жертв и дает людям с предрасположенностью к жестокости разрешение действовать в соответствии с их самыми омерзительными склонностями.

В январе 1942 года доктор Фридрих Меннеке писал о большой группе врачей, медсестер и медбратьев, которые отправились в Польшу, чтобы развернуть лагерь смерти в Хелмно. В декабре того же года доктор Юлиус Галлерворден доложил, что за лето ему удалось провести вскрытие мозга у пятисот слабоумных людей, а доктор Шнайдер открыл учреждение для изучения «идиотов и эпилептиков», которых убивали, а мозг внимательно исследовали после их смерти. Галлерворден активно продолжал свою деятельность и в 1944 году отчитался о том, что его коллекция достигла 697 образцов головного мозга, включая те, вскрытие которых он производил лично. Из отчетов также известно, что в 1944 году Менгеле отправил сыворотку крови близнецов, которых он заразил тифом, глазные яблоки цыган и внутренние органы других детей на изучение в свой институт антропологии. После войны доктор Галлерворден признался, что он снабжал концентрационные лагеря специальными контейнерами и фиксаторами. Он также сообщил, что приходил в лагерь со словами «Вот что, парни: если вы собираетесь прикончить всех этих людей, хотя бы выньте мозги, чтобы не испортить мне материал для исследований». В 1949 году из Института исследования мозга имени Макса Планка (в котором Галленворден так и оставался главой отделения) Галлерворден опубликовал случай нарушения мозговой деятельности ребенка, родившегося у женщины, случайно отравившейся угарным газом. Собранная Галлерворденом коллекция образцов головного мозга была доступна для изучения студентами Франкфуртского университета вплоть до 1990 года, когда останки несчастных жертв захоронили на кладбище в Мюнхене⁷.

С 1933 по 1945 годы ни одна нация не могла сравниться с Германией в масштабах тщательно организованных и осознанных преступных деяний.

В общей сложности немецкие архивные документы сообщают о проведении по меньшей мере 350 000 операций по стерилизации за период с 1934 по 1939 годы. Стерилизацию прекратили, поскольку судьи и врачи были слишком заняты войной, а еще потому, что на замену стерилизации пришли убийства. Помимо сотен тысяч пациентов с расстройствами психики, смерть которых наступила быстро, предположительно восемьдесят тысяч пациентов психиатрических клиник Германии и Франции погибли от голода после того, как программа по «эвтаназии» сошла на нет. Миллионы евреев, цыган, славянских узников трудовых колоний, гомосексуалов, а также русских и польских военнопленных были убиты руками профессиональных врачей, которые решали, кто годен для работы, а кто годится только на эксперименты или смерть⁸.

---

⁷ Гетц Али, Петер Хруст, Кристиан Просс, «Чистка отечества: нацистская медицина и расовая гигиена» (Cleansing the Fatherland: Nazi Medicine and Racial Hygiene), пер. с нем. Белинды Купер (Балтимор, штат Мэриленд: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1994 г.)

⁸ Бенно Мюллер-Хилл, «Убийственная наука: устранение путем научного отбора евреев, цыган и других наций в Германии 1933–1945 гг.» (Murderous Science: Elimination by Scientific Selection of Jews, Gypsies, and Others in Germany 1933–1945), пер. с нем. Джордж Р. Фрейзер, (Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1984 г.)

Что же еще выяснилось в мире медицины после того, как открылись примеры чудовищных экспериментов одержимых врачей – тех, о которых пишет Вивьен Шпиц? После окончания войны стало известно, что японские врачи проводили опыты над китайскими мирными жителями еще до начала Второй мировой войны и во время нее, проверяя на них действие бактериологического оружия. В отличие от немецких докторов, их не стали привлекать к ответственности, а США получили все данные о разработке бактериологического оружия, не боясь раскрытия стратегической информации, которая в случае уголовного преследования японских врачей была бы представлена в суде.

Несмотря на огласку их постыдных деяний и все законы и декларации, которые были приняты впоследствии, американские врачи приступили к новым исследованиям, начавшимся в 1940-х годах и продолжавшимся на протяжении более трех десятилетий. Во время этих исследований американских пациентов гражданских лечебных учреждений без их согласия подвергали воздействию радиации, чтобы понять, как защитить жителей страны от гипотетической ядерной войны. После того как эти эксперименты были раскритикованы, президент Билл Клинтон в 1993 году основал Консультативную комиссию по радиационным экспериментам, которая должна была заниматься расследованиями подобных дел и выплачивать компенсации выжившим пострадавшим. Также стало известно об экспериментах с ЛСД, приведших к гибели американских солдат, над которыми проводили испытания.

В 1966 году доктор Генри Бичер опубликовал в Медицинском журнале Новой Англии статью о двадцати двух аморальных экспериментах, которые были проведены в Америке уже после окончания Нюрнбергского процесса: в университетских, военных и частных лечебных учреждениях, а также в больницах Управления по делам ветеранов войны. В числе прочего врачи отказывали группам солдат со стрептококковой ангиной в пенициллине, который помогает предотвратить острую ревматическую лихорадку. Одни солдаты получали плацебо, другие – сульфамидные препараты, что привело к более чем семидесяти случаям ревматического порока сердца, которых вполне можно было бы избежать. Экспериментальное лечение с пострадавшими не обсуждалось, и уж тем более они не подписывали согласия на него.

Еще один отчет описывал плохо проработанную попытку создания антител с помощью введения клеток злокачественной меланомы пораженной болезнью девочки ее матери. Целью эксперимента было выяснить, сможет ли организм сгенерировать иммунный ответ. На следующий день девочка умерла, что свидетельствовало о сомнительной ценности эксперимента. Ничем не мотивированное создание угрозы для матери, хотя она и дала свое согласие на эту процедуру, привело к ее смерти от злокачественной меланомы пятнадцать месяцев спустя.

Самый скандальный американский эксперимент начался еще до войны и не упоминался в статье доктора Бичера.

Более 400 афроамериканцев не получали лечения от сифилиса, поскольку врачи хотели «изучить естественное течение болезни».

Будто столетия, на протяжении которых все воочию убедились, к чему приводит сифилис, никого не убедили. Исследование сифилиса в Таскиги началось в 1933 году. Несмотря на доступность пенициллина, больные не получали лечения вплоть до 1972 года. Никто не выступил против продолжения исследования, несмотря на то что в научных журналах публиковались статьи с описанием эксперимента. Самое печальное, что исследование проходило под эгидой Службы общественного здравоохранения США. И только с началом второго президентского срока Клинтона пострадавшим принесли извинения и предложили компенсацию – хотя для многих из тех, кто умер или столкнулся с тяжелыми физическими и психологическими последствиями болезни, было уже слишком поздно.

Для книги «Предательство медицины» («Medicine Betrayed»), которая вышла в 1992 году при поддержке Британской медицинской ассоциации, рабочая группа провела серьезное рас-

следование и собрала материал о нарушениях прав человека, существенную часть которых совершили врачи. Так, авторы предоставили сведения о психиатрическом насилии в СССР, Румынии и на Кубе, где психиатры обращались с политическими диссидентами как с психически больными претендентами на госпитализацию. В Японии же основанием для госпитализации чаще становились социальные и культурные маркеры, а не медицинские показания: например, поводом могла послужить ситуация, когда один из членов семьи навлекал позор на своих родных.

В книге также упоминались случаи карательной ампутации, которая проводилась врачами, действовавшими в области исламского права. Из Чили были получены сведения о прецедентах, когда доктора возвращали к жизни измученных пытками пленных, чтобы полиция могла продолжить допрос. Исследователи подробно описали другие случаи участия врачей в пытках в Греции, Кашмире (Индия), Аргентине, бывшей Восточной Германии, Бразилии, Сальвадоре, Турции, Венесуэле, Мавритании, на Филиппинах, в Индии, Южной Африке, Уругвае и во многих других точках земного шара.

Что за врач станет участвовать в подобном? Каковы мотивы «врачей из ада»? Одни немецкие доктора пытались снискать славу среди коллег с помощью особых профессиональных заслуг, внося посильный вклад в благосостояние человечества. Вот только человечество для них было лишь абстрактной идеей. Они были всецело преданы беспристрастной науке, благодаря которой у них появилась возможность проводить эксперименты на людях с общественного одобрения. Другие немецкие врачи утверждали, что они всего лишь продолжали делать то, что умели, то есть лечить. С их точки зрения, болезнь атаковала государство. Этой болезнью было вторжение людей низшей расы, которые неизбежно испортили бы «чистоту» (то есть «здоровье») государства. Для них это было все равно что ампутировать пораженную гангреной конечность или удалить злокачественное образование. Эти врачи уничтожили в себе малейшие частицы сострадания и безжалостно следовали порывам, необходимым для процветания государства, чьи взгляды они полностью разделяли.

Авторы книги «Предательство медицины» отметили, что чаще всего в роли мучителей выступали люди, которые работали в структурах с особой культурой и миссией – например, в вооруженных силах или полиции. Это они и тогда, и прежде «выполняли приказы». Сыграла свою роль и намеренная отчужденность чиновничьего аппарата, поскольку она позволяла снимать с себя ответственность за любые результаты, ведь за каждый этап кровавого процесса отвечали разные люди. Один доставал оружие. Другой приобретал пули. Третий заряжал. Четвертый сгонял жертв к месту смерти. И какой-то далекий участник этой цепочки спускал курок, так в чем же их вина?

Роберт Лифтон в своей книге об участии врачей в преступлениях нацистов⁹ предложил концепцию «удвоения». Он описывал удвоение как состояние, необходимое для того, чтобы избежать психологического расщепления в экстремальных обстоятельствах.

Удвоение позволяет человеку поддерживать близкие отношения с людьми из «реального» мира и в то же время в параллельном мире позволять все тому же «я» совершать поступки, которые в иных обстоятельствах казались бы невыносимыми.

Некоторые из нацистских врачей впоследствии покончили с собой. Было ли это связано с раскаянием и чувством вины? С боязнью разоблачения? Или причиной был просто-напросто крах идеологии, который означал конец эпохи неограниченной свободы и отсутствие профессиональных перспектив?

---

⁹ Роберт Джей Лифтон, «Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида» (The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide) (Издательство Basic Books, 1986 г.).

Кристиан Просс¹⁰ высказывает мнение по поводу дневника доктора Германа Восса и явного удовольствия, которое тот получал от «особых вознаграждений» войны – профессорской должности в Познани и наличия местного крематория. Просс приводит цитату из его дневника: «Как было бы здорово, если бы могли отправить их (поляков) в печи всей толпой. Вчера забрали два вагона с польским прахом. А за окнами моего кабинета цветет прекрасная белая акация, прямо как в Лейпциге». Комендант концентрационного лагеря Освенцим Рудольф Хесс в своей автобиографии описал массовые убийства и принесенные ему страдания, не упомянув ни единого слова о трех вагонах ценных вещей, вывезенных из Освенцима.

Нам нравится думать, что его поведение настолько бесчеловечно, что заслуживает трактования на целый роман. Просс, напротив, предлагает объяснение, которое поддерживает концепцию «банальности зла», столь метко сформулированную философом Ханной Арендт. «Наряду с бездомными и нищими, пациентами психбольниц и евреями из восточноевропейских гетто, немецкие власти истребляли заметных бедняков, тех людей, которые на протяжении своей жизни представляли собой «ненужную статью расходов». Плохое обращение с этими людьми и их уничтожение обеспечивали остальных граждан жильем, трудоустройством, денежными средствами и пенсиями». Убийство бесполезных гарантировало наличие свободных коек для раненых на войне солдат и гражданских лиц благодаря тому, что освобождались целые психиатрические лечебницы, детские дома и интернаты для инвалидов». Увольнение еврейских ученых из Общества кайзера Вильгельма по развитию науки способствовало появлению десятков свободных мест и возможностей профессионального развития, не говоря уже о возможности узурпации власти и захвата средств из субсидий на проведение научных исследований. Лишь малая часть состоявших в Обществе врачей и ученых воспротивилась такому развитию событий. Напротив, большинство из них даже написали совместное письмо Гитлеру, в котором они приносили клятву верности великим целям нацистского режима.

Добавьте сюда военные марши, факельные шествия и искусство пропагандистов манипулировать эмоциями, смешивая национальную гордость и ненависть к выдуманному внутреннему врагу. Все это, вместе с пониманием эгоцентричной природы человеческих существ, отмечает необходимость объяснять поступки нации, которая еще не успела оправиться от унижительных и разорительных последствий проигранной войны. Взгляните на рабочие места, созданные новой войной и дозволением взять в свои руки контроль над предприятиями, ранее принадлежавшими той части населения, что внезапно лишилась всех прав.

Узрите возможность выплеснуть свою досаду и разочарования повседневной жизни на козла отпущения, любезно предоставленного государством.

Взгляните на реальную выгоду, которую немецкое государство смогло получить за счет массовой конфискации имущества и денежных средств, истребления «лишних едоков» и выгодной экономики рабского труда, не нуждавшейся в поддержке самих рабов, которые были расходуемым материалом в избытке.

Вивьен Шпиц наглядно напоминает нам одну простую истину. Стремясь к благородным целям, мы всегда обязаны помнить о низменных инстинктах человека. Внешние проявления набожности и добродетели не защитят народ. На ремнях каждого немецкого солдата была выбита фраза: «Gott mit uns» («С нами Бог»). Над дверью судебного зала во Дворце правосудия в Нюрнберге висит табличка с десятью заповедями. Люди, которые их когда-то вывели, впоследствии лишились своих гражданских прав, прав человека или даже жизни в соответствии с законами, носящими имя этого самого города, – Нюрнбергскими расовыми законами 1935 года.

---

¹⁰ «Чистка отечества».

Угрожает ли нам что-то здесь, в Америке? Если говорить исключительно об обязанностях врачей, я хочу сделать одну оговорку. Разумеется, работу наших докторов не отравляет губительный воздух гитлеровской Германии или другого тоталитарного режима.

И все же любой врач может быть предвзят в случае, если думает об исцелении всего населения вместо удовлетворения нужд одного конкретного пациента.

Это правда, что обязанность гражданина – думать о своем сообществе и о высшем благе. Но всему должен быть предел. Стоит врачу начать отказывать пациентам в предоставлении медицинских услуг, использовать свои профессиональные навыки во вред пациенту или забывать об интересах пациента во время лечения или проведения исследования, как он ступает на скользкую дорожку. Закон может устанавливать обязанности доктора и накладывать на него или на нее определенные ограничения, но будущее этой профессии зависит от верности врача своим принципам и от строгого соблюдения нравственных норм профессионального сообщества. А больше всего оно зависит от признания нашей общей человеческой природы.

Фредрик Р. Абрамс
28 декабря 2004 г.

Введение

«Каждому поколению американцев приходится сталкиваться с обстоятельствами, которые от них не зависят и которые испытывают на прочность их характер и силу духа».

Президент Джимми Картер

Доктор Юлиус Мозес был врачом общей практики в Берлине с 1920 по 1932 годы. Он отказывался перенимать активно развивавшиеся на тот момент взгляды немецких врачей, которые, в конце концов, превратят теорию и практику медицины в прочный союз науки и преступлений против человечности.

В 1930 году 75 детей погибли во время вакцинации от рук чрезвычайно халатных врачей. Доктор Мозес сообщил об этом общественности. Таким образом он внес вклад в разработку рекомендаций по научным экспериментам над людьми Национальной службы здравоохранения, делая особый акцент на правах личности каждого человека.

Еще в 1932 году Мозес предупреждал, что в Третьем Рейхе обязанностью врачей будет создание «нового, благородного человека», предостерегая, что лечение будут получать только те пациенты, которых можно излечить. Неизлечимо больных людей будут считать «человеческим балластом», «мусором», «негодными» и «бесполезными», вследствие чего их будут требовать уничтожить.

Доктор Мозес был воплощением врачебной совести. За пророческие слова ему пришлось заплатить.

Даже после того как в 1933 году Адольф Гитлер пришел к власти вместе с национал-социалистической партией, социал-демократ Мозес не уехал из страны. В 1942 году Мозеса, которому на тот момент было 74 года, отправили в концентрационный лагерь Терезиенштадт в Чехословакии, где он вскоре умер от голода.

15 сентября 1927 года в Берлине открыли Институт антропологии, генетики человека и евгеники имени кайзера Вильгельма. В институте действовало четыре факультета: антропологии, генетики, евгеники и экспериментальной генетической патологии. В отчете 1931 года утверждалось: «Термин “евгеника” должен установить связь между результатами исследований в области генетики человека и конкретными мерами демографической политики».

Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, был основан Высший суд по охране генетического здоровья. Так начался моральный упадок немецкой медицины, сопровождаемый бесчеловечными экспериментами и убийством тысяч невинных людей. Некоторые врачи, может, и чувствовали уколы совести, но все же охотно ухватились за возможность ставить эксперименты над людьми¹¹.

Мрачная, гнусная жестокость XX века привела к повсеместному нарушению основных прав человека и человеческого достоинства, правда о котором вскрылась по окончании Второй мировой войны с победой Советского Союза, Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки над нацистской Германией 8 мая 1945 года.

История знает множество примеров нарушения основных прав человека. Это происходило в самых разных мировых культурах, как цивилизованных, так и варварских. Германия была примером современного цивилизованного общества, превратившегося в рассадник зла и устроившего умышленный геноцид всех евреев Европы, из-за чего шесть миллионов невинных людей погибли в концентрационных лагерях и лагерях смерти, а вместе с ними погибли

---

¹¹ «Ценность человеческой жизни: медицина в Германии 1918–1945 гг.» (The Value of the Human Being – Medicine in Germany 1918–1945), Врачебная палата Берлина, издательство «Хентрих» (Hentrich), 1991 г.

пять миллионов представителей других национальностей. Человеческая история еще не знала ничего подобного. На Нюрнбергском процессе, посвященном преступлениям этой войны, Зло было предъявлено суду, открывшему новые подробности того, на какое дно способен погрузиться человек.

В результате этого знакового процесса был утвержден Нюрнбергский кодекс, который устанавливает принципы медицинских исследований на людях, используемые и по сей день. Так появились новые стандарты медицинской этики в поствоенной эпохе – эпохе, в которой первостепенное значение имеют права человека. Среди прочего, кодекс затрагивает добровольное информированное согласие, защищающее право человека на распоряжение своим собственным телом.

Нюрнбергский кодекс также требует от врачей оценивать риски в сравнении с ожидаемой пользой и избегать причинения пациентам лишних страданий и боли.

Во время написания этой книги я опиралась на сокращенную версию протокола, составленного стенографистами в суде и включающего 11 538 страниц (в подготовке которого принимала участие и я сама). Протокола, который «не подлежит забвению».

Глава 1 книги «Врачи из ада» отвечает на частый вопрос: как я вообще оказалась на Нюрнбергском процессе по делу врачей в качестве судебного стенографиста? В 1946 году, когда мне было двадцать два года, меня завербовало Военное министерство США, и я перенесла жуткий перелет над водами Северной Атлантики на борту боевого самолета С-54 в компании военных, отправлявшихся на выручку измученным войной солдатам, находившимся в Германии.

Глава 2 посвящена главному процессу Международного военного трибунала против основных руководителей нацистской Германии, обвинявшихся в преступлениях против человечности и в организованном геноциде.

В главе 3 мы разберем двенадцать последующих (малых) Нюрнбергских процессов, первым из которых стал процесс по делу врачей. Эти двенадцать процессов слушались военными трибуналами и американскими судьями. 25 октября 1946 года Первый военный трибунал обвинил 20 врачей и троих организаторов медицинских опытов в совершении военных преступлений и преступлений против человечности по делу «Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и др.». Эти врачи не были политическими или военными руководителями. Они были высокообразованными учеными, которые принесли клятву Гиппократу, обязавшись лечить и помогать людям, но вместо этого превратились в мучителей и убийц, потакаая нацистскому режиму.

Глава 4 описывает дело нацистских врачей, а также мою собственную историю сложной и полной опасности жизни в холодном, заснеженном и разбомбленном Нюрнберге, где не приходилось надеяться на отопление и наличие горячей воды.

В главе 5 я подробно описываю эксперименты по воздействию перепадов давления, когда узников концентрационных лагерей помещали в камеры с низким давлением, имитировавшие нахождение на большой высоте, и понижали его, пока в камере не создавались условия, типичные для высоты в 20 000 метров над уровнем моря, лишая несчастных кислорода.

В главе 6 приводятся показания узников концлагерей об экспериментах с гипотермией, когда людей помещали в длинные и узкие резервуары с ледяной водой, в которых им приходилось находиться до трех часов подряд, после чего, как правило, наступала смерть.

Глава 7 излагает подробности экспериментального заражения малярией 1 200 узников, в числе которых было огромное количество польских католических священников. Жертв заражали с помощью контролируемых укусов малярийных комаров или инъекций крови, уже зараженной малярией.

Об одном из самых варварских и бесчеловечных экспериментов – с участием трансплантации и регенерации костей, мышц и нервов – пойдет речь в главе 8.

У жертв извлекали фрагменты костей, мышц, нервов и даже ампутировали целые ноги от самого бедра для того, чтобы осуществить их пересадку другим людям.

В главе 9 подробно описаны эксперименты, в ходе которых жертв специально травили горчичным газом (ипритом). При малейшем контакте газа с кожей у подопытных появлялись химические ожоги, быстро распространявшиеся по всему телу. Газ также поражал и разъедал легкие и другие внутренние органы.

Эксперименты с сульфаниламидом, речь о которых идет в главе 10, проводились на большом количестве польских католических священников в Дахау. Людям наносили раны, заражая их бактериями стрептококка, анаэробной гангрены и столбняка, помещали в раны древесную стружку и стекло, после чего испытывали на них действие сульфамидных препаратов.

В главе 11 я описываю эксперименты нацистов с морской водой. Группа немецких, чешских и польских цыган была лишена пищи и на протяжении пяти-девяти дней получала только соленую морскую воду. На моих глазах выживший участник этого эксперимента, свидетель обвинения Карл Холленрайнер бросился со свидетельской трибуны к скамье подсудимых, намереваясь вонзить нож в тело доктора Вильгельма Байгльбека.

Глава 12 дает читателям возможность немного отдохнуть от этого кошмара. В ней я рассказываю о декабрьских праздниках 1946 года. Это было мое первое Рождество вдали от дома. Нам с коллегами предоставился шанс немного восстановиться от полученных психологических травм и попытаться хотя бы на мгновение вернуться к нормальной жизни.

В главе 13 я описываю эксперименты с эпидемической желтухой, которые проводили на польских евреях. Жертвы этих экспериментов страдали от неопишуемой боли, а многих из них ждала гибель.

Экспериментам по стерилизации отведена глава 14. Их проводили на польских евреях и русских военнопленных в попытке разработать наиболее эффективный метод для массовой стерилизации миллионов людей. Эти эксперименты проходили при помощи радиационного облучения, хирургического вмешательства и различных лекарственных средств. Это была часть тщательно спланированного массового геноцида огромных групп населения, финансируемая государством.

Глава 15 освещает эксперименты над немецкими преступниками, военнопленными и польскими евреями, которым рассекали кожу и заражали тифом, занося в раны вшей-переносчиков, либо производили внутривенную или внутримышечную инъекцию с кровью, в которой содержался вирус тифа. В результате этих экспериментов погибли 90 % всех жертв.

В главе 16 я рассказываю об экспериментах с ядами. В русских военнопленных стреляли пулями, содержащими яд, чтобы исследовать эффект различных веществ на человеческий организм и изучить, как быстро наступает смерть от отравления. Также яд тайно добавляли в пищу, после чего врачи наблюдали за реакцией участников эксперимента.

Эксперименты с зажигательными смесями описаны в главе 17. В ходе экспериментов на кожу подопытных наносили фосфор, использовавшийся для производства зажигательных бомб. Фосфор вспыхивал, вызывая сильные ожоги; кожа несчастных полыхала вплоть до 68 секунд подряд, прежде чем мучители тушили разгоревшееся пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.